

■ ■ ■ Современная коммуникативистика через призму гносеологии

Жилина А. В.

Коммуникационное агентство Spice Media, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Приводится соотношение понятий «коммуникативистика» и «коммуникология», рассматриваемое профессором Ф.И. Шарковым – основателем в России междисциплинарного научного направления «коммуникология». В статье представлен анализ философско-гносеологических оснований современных исследований в области коммуникативистики, проведённый на основе систематизации 35 научных работ за период с 2010 по 2025 год. Цель исследования – выявление и классификация имплицитных и эксплицитных концепций истины, лежащих в основе методологического аппарата изучения коммуникативных процессов. Методология основана на качественном контент-анализе и выявлении «симптомов» философских позиций в категориальном аппарате, метафорах и оценочных суждениях авторов. В результате выделены три доминирующие парадигмы: корреспондентная (истина как соответствие реальности), когерентная (истина как внутренняя согласованность системы) и прагматическая (истина как эффективность и практическая полезность). Установлено абсолютное доминирование (51% работ) прагматической концепции, особенно в её инструменталистской (дьюевской) трактовке, что знаменует эпистемологический сдвиг от классических моделей к постнеклассическим, функционально-ориентированным подходам. Корреспондентная (23%) и когерентная (14%) парадигмы сохраняют важные, но более специализированные роли – критико-нормативную и дискурс-аналитическую соответственно. Подавляющее большинство авторов (89%) используют концепции истины имплицитно, однако наблюдается тенденция к методологическому синтезу и росту рефлексии, что характеризует становление постнеклассической исследовательской установки в коммуникативистике.

Ключевые слова: коммуникативистика, коммуникология, теория коммуникации, концепции истины, корреспондентная теория, когерентная теория, прагматизм, инструментализм, Джон Дьюи, философия коммуникации.

Сведения об авторе: Анастасия Владимировна Жилина – кандидат филологических наук, старший руководитель проектов в коммуникационном агентстве Spice Media, член РАСО. ORCID0000-0002-1680-8560, SPIN-код 2978-1213. *Email:* av.zhilina@gmail.com. *Адрес:* Санкт-Петербург, Россия, Бакунина проспект, 5, индекс 191024

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026. *Принята к печати:* 22. 06.2026.

Введение. По определению Ф. И. Шаркова, «коммуникология – это система сформированных знаний и деятельность по получению новых знаний о коммуникации, которые синтезируют в единое знание (науку): 1) теорию

Конфликт интересов: отсутствует.

коммуникации; 2) теории различных коммуникаций, разработанные разными авторами (например, теории массовой коммуникации, межкультурной коммуникации, социолингвистической коммуникации, эгалитарной коммуникации и пр.); 3) науки и научные направления, изучающие различные коммуникации (социология коммуникации, психология коммуникации и др.); 4) теорию и практику коммуникативной деятельности в различных сферах общества с помощью различных средств и с различными субъектами» [Шарков 2014: 13]. «Коммуникативистика – научное направление коммуникологии, изучающее зарождение и функционирование информационно-коммуникационных систем, способы осуществления коммуникаций этих систем с внешней общественной средой, а также теоретические основы и практические аспекты социального взаимодействия в различных сетях коммуникации (включая электронные сетевые сообщества)» [Шарков 2001: 19]. Определение Ф.И. Шаркова коррелирует со словарными определениями: «Коммуникативистика – наука, изучающая проблемы информационных коммуникаций (в том числе «сетевых») [Словарь..., 2005]. Коммуникативистика (англ. communication science) – наука, изучающая проблемы информационных (сетевых) коммуникаций»¹.

В данной статье мы используем термин «коммуникативистика» в широком смысле – как синоним междисциплинарного исследования коммуникативных процессов, не вступая в полемику о границах между коммуникологией и коммуникативистикой и признавая их содержательное пересечение. Такой выбор обусловлен предметом анализа: исследуемые нами работы (по медиа, PR, политической и межкультурной коммуникации) преимущественно относятся именно к той области, которая в классификации Шаркова закреплена за коммуникативистикой. Современная коммуникативистика как междисциплинарная область знания, часто оставляет в тени свои собственные философско-гносеологические основания. Однако именно лежащие в основе онтологические допущения и теория истины во многом определяют исследовательскую оптику, категориальный аппарат и интерпретацию коммуникативных феноменов.

Целью статьи является выявление и систематизация концепций истины, имплицитно или эксплицитно используемых в современных российских научных работах, посвящённых различным аспектам коммуникации (медиа, PR, политическая коммуникация, межкультурное взаимодействие). Материалом для анализа послужили 35 публикаций, охватывающих период с 2010 по 2025 год, из которых были извлечены данные о том, как авторы понимают и операционализируют категории «истина», «достоверность», «объективность» применительно к коммуникативным процессам и продуктам.

¹ <https://www.finam.ru/publications/section/dictionary/>

Методология анализа концепций истины в исследовательских текстах

Основным методом стал качественный контент-анализ аннотаций, выводов и методологических разделов работ с последующей классификацией по трём классическим философским концепциям истины:

- Корреспондентная (соответствия): истинность утверждения определяется его соответствием объективной реальности, фактам.
- Когерентная (согласованности): истинность определяется внутренней логической непротиворечивостью и согласованностью в рамках определённой системы (дискурса, теории, социального консенсуса).
- Прагматическая (эффективности): истинность идеи, высказывания или коммуникативной стратегии определяется его практическими последствиями, полезностью, успешностью в достижении конкретных целей (убеждении, мобилизации, организации взаимодействия, решении социальных задач).

Отдельно фиксировалась явность или имплицитность использования концепции, а также её конкретные модификации.

Для достижения поставленной цели была применена единая методология выявления концепции истины, лежащей в основе каждой анализируемой работы. Эта методология основана на последовательном анализе трёх ключевых аспектов текста. Первый аспект – это базовые допущения автора о реальности и познании. Здесь важно понять, исходит ли автор из существования объективной реальности, которой должны соответствовать высказывания, или же реальность рассматривается как конструируемая в процессе коммуникации и практической деятельности. Второй аспект – нормативная позиция и оценочные суждения. Критикует ли автор манипуляции за их ложность и несоответствие фактам или же за их неэффективность и непрактичность? На чём основаны его похвала или осуждение? Третий аспект – терминологический каркас. Какие понятия и концептуальные противопоставления (например, «объективное – субъективное», «эффективное – неэффективное», «логичное – противоречивое») структурируют его аргументацию и выдают его эпистемологические предпочтения.

На основе этой триады была разработана итоговая методологическая цепочка, применявшаяся к каждому тексту. Она состоит из пяти последовательных шагов.

Первым шагом стало выделение базовых определений и оппозиций. Анализировалось, как автор определяет ключевые термины (например, «факт», «фейк», «достоверность») и с какими концептами их противопоставляет. Так, противопоставление «факта» «фейку» или «информации» «дезинформации» указывает на корреспондентную рамку, тогда как противопоставление «эффективной» и «неэффективной» коммуникативной стратегии – на прагматическую.

Второй шаг – анализ предлагаемых решений и оценок. Рассматривалось, на что направлена критика автора и что он предлагает в качестве ответа или

идеала. Это позволяет выявить его представление об «идеальном состоянии», то есть нормативную теорию истины, которую он, возможно, прямо не формулирует. Критика искажения фактов предполагает корреспондентный идеал; критика алогичности или фрагментарности – когерентный; критика неэффективности – прагматический.

Третьим шагом стала идентификация метафор и ключевых образов. Уделялось внимание тому, использует ли автор метафоры зеркала или соответствия (указание на корреспондентность), инструмента или орудия (указание на прагматизм, особенно инструментализм Дж. Дьюи), строительства или конструкции (указание на когерентность или социальный конструктивизм), битвы или войны (часто встречается в работах по информационному противоборству и может обслуживать разные концепции в зависимости от контекста). Эти метафоры являются прямым ключом к имплицитной онтологии автора.

Четвертый шаг – определение референтной теоретической базы. Фиксировалось, на каких авторов или школы мысли исследователь опирается явно или неявно. Эта база обычно связана с определенной философской традицией. Например, явная апелляция к теории отражения прямо указывает на корреспондентную концепцию, а ссылки на Дж. Дьюи, У. Джеймса или Ч. Пирса – на прагматическую.

Пятый шаг заключался в обобщении и классификации. Совокупность выявленных признаков позволяла отнести имплицитную позицию автора к той или иной концептуальной рамке (корреспондентной, когерентной, прагматической), даже если он сам не использует философскую терминологию. Таким образом, концепции истины выявлялись не по прямым декларациям авторов, а по «симптомам» в логике их мышления, языке описания и системе предлагаемых ценностей.

Результаты и обсуждение

Анализ показал следующее распределение работ по доминирующим концепциям истины:

- Прагматическая концепция: 18 работ (~51%). Является абсолютно доминирующей, особенно в работах после 2019 года.
- Корреспондентная концепция: 8 работ (~23%).
- Когерентная концепция: 5 работ (~14%).
- Смешанные или неявные подходы: 4 работы (~12%).

Важным аспектом проведенного анализа является выявление степени эксплицитности, с которой авторы формулируют свою философско-гносеологическую позицию. Подавляющее большинство работ (31 из 35, или ~89%) используют ту или иную концепцию истины имплицитно, через систему категорий, методологических ходов и оценочных суждений, не прибегая к прямой философской рефлексии. Это подтверждает тезис о прикладном, междисциплинарном характере современной коммуникативистики,

где эпистемологические основания часто остаются «рабочим инструментом», а не предметом отдельного обсуждения. Тем показательнее немногочисленные случаи эксплицитного формулирования своей гносеологической позиции. К ним относятся работы А.Н. Аверина [Аверин, 2015], который прямо опирается на ленинскую теорию отражения, явно артикулируя корреспондентную концепцию истины; Ю.В. Пановой [Панова, 2020], посвятившей свою статью сравнительному анализу прагматических концепций Ч. Пирса и У. Джеймса, тем самым эксплицитно работая внутри прагматической парадигмы; О. Лещака [Лещак 2018], чья статья представляет собой развёрнутое методологическое приложение прагматической философии У. Джеймса к проблемам информации и коммуникации; а также К. Нобис-Влязло [Нобс-Влязло 2018], которая в рамках своего исследования открыто использует прагматическую концепцию У. Джеймса как аналитический инструмент. Эти примеры демонстрируют растущий уровень методологической рефлексии в рамках дисциплины и служат важными ориентирами для понимания того, как гносеологические основания могут быть сознательно применены к анализу коммуникативных процессов.

Обрисованное количественное распределение и характер использования концепций создают содержательный контекст для дальнейшего анализа. Полученные данные открывают возможность не только констатировать распространённость различных гносеологических подходов, но, что более важно, выявить содержательную логику их применения в исследованиях медиа и коммуникации. Явным лидером является прагматическая концепция истины, представленная в 18 работах (около 51% выборки). Её доминирование, особенно усилившееся после 2019 года, сигнализирует о фундаментальном сдвиге в эпистемологии коммуникативистики: от поиска соответствия высказываний объективной реальности к анализу их функциональности, эффектов и социальной целесообразности. Эта парадигма, часто в её инструменталистской трактовке, восходящей к Джону Дьюи, позволяет авторам исследовать медиадискурс как поле стратегий и практик. Например, С.В. Ермоленко [Ермоленко, 2023] рассматривает достоверность не как статичное свойство факта, а как коммуникативный эффект, конструируемый через языковые практики для формирования социального доверия. Ярко выраженную позицию прикладного прагматизма занимает и В.К. Полднев [Полднев 2023]. Автор прямо утверждает: «Философия медиа своей скрытой парадигмой порабощает массы, «латентно принуждая» потреблять информационный продукт посредством средства массовой информации» [Полднев: 107]. «Истина медиасообщения» – это его прагматическая сила и эффективность как инструмента управления в потребительском обществе.

Данный подход находит своё прямое методологическое воплощение в исследованиях дезинформации: Р.В. Трофимов [Трофимов 2023] и И.Б. Архангельская [Архангельская 2020] изучают фейки не с точки зрения их ложности,

а как инструменты для достижения конкретных прагматических целей – манипуляции, создания социальной напряжённости или политической борьбы. Так, Трофимов конкретизирует, что фейки создаются в сферах финансов, развлечений, рекламы и медиа «с целью повысить посещаемость ресурсов», а в политической сфере используются «для создания социальной напряжённости и управления общественным мнением» в борьбе за электорат [Трофимов: 118]. Архангельская, в свою очередь, показывает, что «сенсации, скандалы, придуманные истории, потрясающие воображение читателя, привлекают читательскую аудиторию» [Архангельская: 100]. Это наглядно демонстрирует, как прагматическая оптика переориентирует исследовательский вопрос с «Что есть истина?» на «Как работает утверждение, претендующее на истинность, и какие цели оно обслуживает?».

Прагматическая парадигма, осмысляемая как прямое руководство к стратегическому действию в медийном поле, находит своё законченное выражение в работе А.Н. Чумикова [Чумико, 2021]. Анализируя эпоху медиатизации и постправды, автор констатирует фундаментальный сдвиг от изложения фактов (make story) к конструированию смыслов (make sense). В этой новой реальности, где происходит «исчезновение факта», истинность утрачивает корреспондентное измерение и сводится к эффективности смыслового позиционирования. Ключевым становится не соответствие реальности, а прагматический результат: «смысловая интерпретация полученной информации и противоборство смыслов становятся неизбежными и доминирующими формами коммуникационного поведения в медийном поле конфликта» [Чумиков: 140]. Чумиков, будучи влиятельным теоретиком и практиком, не просто описывает эту тенденцию, но и легитимирует её, предлагая профессиональному сообществу стратегии доминирования через управление интерпретациями.

Корреспондентная концепция истины, основанная на принципе соответствия знания объективной реальности, занимает устойчивую вторую позицию, будучи представленной в 9 работах (26%). Её сохранение в методологическом арсенале не случайно: эта парадигма выполняет критическую и нормативную функцию в исследованиях, фокусирующихся на феноменах манипуляции, пропаганды и информационной войны. Здесь она служит философско-гносеологическим основанием для разграничения факта и искажения. Как отмечалось, одним из немногих примеров эксплицитной артикуляции этой позиции является статья А.Н. Аверина [Аверин, 2015], который прямо опирается на теорию отражения, выстраивая цепочку «взаимодействие → отражение → информация → коммуникация». Эта модель, восходящая к классическому материалистическому тезису В.И. Ленина о всеобщем свойстве отражения, служит для автора гносеологическим основанием, выводящим коммуникацию из фундаментальных свойств материи и тем самым обеспечивающим онтологическое обоснование для различения истинного и искажённого в информационном обмене.

Этулогикупродолжают И.М. Дзялошинский [Дзялошинский 2024] и М.Н. Клинцева [Клинцова 2023], чья критика фейк-ньюз и тактик информационной войны строится именно на требовании соответствия сообщений «действительному положению вещей». Дзялошинский, опираясь на модель А.А. Леонтьева, определяет факт как суждение, которое «в процессе верификации оказывается истинным», в противном случае «это вообще не факт» [Дзялошинский: 99]. Со своей стороны, Клинцева, раскрывая механизм информационных атак, показывает, что их цель – «изменение картины мира противника» через «конструирование определенного типа действительности» [Клинцова: 59], что имплицитно противопоставляет манипулятивную конструкцию объективной реальности и служит конкретной иллюстрацией борьбы за соответствие ей. Этот подход задаёт чёткий нормативный идеал журналистики и публичной коммуникации, выступая против релятивизации истины в публичном пространстве.

Менее распространена, но методологически значима когерентная концепция истины (5 работ, 14%), смещающая фокус с отношения «текст-мир» на внутренние правила и согласованность самой знаковой системы. Этот подход продуктивно работает в лингвистических и дискурс-аналитических исследованиях. Например, И.М. Басовец [Басовец 2023] показывает, как достоверность в медиадискурсе создаётся не референцией к реальности, а применением определённых языковых правил и конвенций. Автор, опираясь на различие фактической (соответствие действительности) и коммуникативной (восприятие как правдоподобной) достоверности, демонстрирует, что последняя формируется через систему согласованных языковых выборов. Ключевым механизмом выступает референциальный статус источника информации: использование референтных субъектов-авторитетов (учёных, экспертов, официальных лиц) повышает доверие к сообщению, встраивая его в логичную и устоявшуюся систему номинаций, в то время как нереферентные или анонимные источники снижают его, нарушая внутреннюю связность дискурса [Басовец: 131-134]. В результате достоверность оказывается функцией от внутренней согласованности и соблюдения правил языковой игры, а не прямым отражением фактов.

Позиция Н.Н. Мисюрова служит практическим развитием когерентной концепции истины в сфере межкультурной коммуникации. В своей статье на примере формирования «русского фихтеанства» он раскрывает, что аутентичность смысла рождается не из соответствия внешним фактам, а из внутренней связности и логической согласованности дискурса. Мисюров показывает, что усвоение идей Фихте в России было успешным не благодаря их «истинности» в референциальном смысле, а потому, что они стали основой для создания общего тезауруса – внутренне непротиворечивой системы понятий, организующей коммуникативное пространство. Ключевым условием выступает взаимная смысловая ориентация участников, которые,

«производя знаки», ориентирую себя на «Другого»... Эта взаимная «смысловая» ориентация... является фундаментальной предпосылкой... отношений внутри коммуникативного пространства культуры» [Мисюров: 242]. Таким образом, достоверность и аутентичность оказываются функцией от когерентности самой знаковой системы и соблюдения её правил, что полностью соответствует парадигме, рассматривающей реальность как упорядоченный дискурсивный конструкт.

Отдельного внимания заслуживают работы, демонстрирующие методологический синтез или внутреннюю рефлексию в рамках одной традиции. Например, Ю.В. Панова [Панова 2020] проводит сравнительный анализ прагматических концепций Ч. Пирса и У. Джеймса внутри самой прагматической парадигмы, критикуя субъективно-утилитарную трактовку истины. Проведя сравнительный анализ концепций Пирса и Джеймса, Панова выстраивает мост между классической философией и прикладной теорией коммуникации, показывая, как абстрактный принцип «истинно то, что полезно» транслируется в конкретные речевые акты и стратегии оправдания действий. Тем самым статья вносит вклад в идеологическую и социопрагматическую ветвь коммуникативистики, демонстрируя, что эффективный анализ политической коммуникации, особенно в кросс-культурном контексте, невозможен без реконструкции лежащих в её основе эпистемологических и аксиологических оснований, которые в работе Пановой раскрываются через призму национального менталитета и философии прагматизма.

А.В. Глазков [Глазков 2018] создаёт комплексную модель, в которой истинность рассматривается как динамическое свойство, определяемое одновременно прагматической эффективностью в конкретной коммуникативной ситуации и согласованностью с языковыми и логическими системами. В его статье имплицитно доминирует прагматическая концепция истины, тесно переплетенная с когерентной. Истинность – это не статичное соответствие объективной реальности, а реляционный и функциональный статус высказывания внутри коммуникативного акта.

Ядром его подхода является концепт «расщепления реальности» – существования в рамках одного высказывания или коммуникативного поля несовместимых пропозиций (например, «платье синее» / «платье голубое»). Критерием истинности в таком контексте выступает не референция к внешнему миру, а внутренняя связность и прагматическая целесообразность. Как заключает сам автор: «Истинным будет любое высказывание, расщепляющее реальность, если существует такое кореферентное высказывание, которое не расщепляет реальность и является истинным» [Глазков: 46]. Эта формула демонстрирует синтез: высказывание получает условную истинность (прагматический аспект) через свою роль в сети высказываний и благодаря отсутствию опровергающего его принятого утверждения (когерентный аспект). Модель Глазкова представляет собой лингво-прагматический инструмента-

лизм: истина является функцией от успешности и связности языкового действия. Этот инструментализм восходит к Дьюи и Джеймсу (с акцентом на сиюминутную полезность и эффективность) и далёк от пирсовского идеала объективного научного консенсуса.

Ещё одним примером методологической гибридности, характерной для современного анализа медиафеноменов, является статья К.В. Киуру и А.Д. Кривоносова [Киуру, Кривоносов 2021]. Исследуя эволюцию фейка от инструмента тейнмент-коммуникации до инструмента манипуляции, авторы, с одной стороны, апеллируют к нормативному идеалу фактической достоверности, что соответствует корреспондентной рамке. С другой стороны, сам феномен они анализируют в прагматическом ключе – как эффективный инструмент для достижения конкретных целей (коммерческой выгоды, борьбы за популярность, политического влияния). Этот синтез чётко выражен в их ключевом тезисе: современный фактчекинг требует проверки не отдельного факта, а всей коммуникационной цепочки, что представляет собой «более сложной когнитивным действием проверки всей коммуникационной цепочки в лассуэлловском ее понимании: от источника информации через собственно характер месседжа, к его каналу, адресату и возможной форме фидбэка» [Киуру, Кривоносов: 59]. Таким образом, корреспондентная концепция задаёт этический императив (необходимость противодействия лжи), а прагматическая – обеспечивает методологический аппарат для анализа стратегии фейка и построения адекватной системы верификации. Подобные работы указывают на становление постнеклассической исследовательской установки в коммуникативистике, для которой характерен осознанный отказ от «чистых» доктрин в пользу гибкого, контекстно-обусловленного методологического плюрализма.

Иллюстрацией методологического синтеза, обусловленного спецификой прикладного поля исследований, является работа Д.П. Гавры [Гавра 2023], посвящённая информационному противоборству. Автор выстраивает анализ на двух взаимосвязанных уровнях. На первом, корреспондентном, уровне он настаивает на строгом терминологическом различении объективных состояний («противоборство», «агрессия», «оккупация»), стремясь закрепить за каждым понятием чёткие, верифицируемые критерии. Эта классификационная работа служит онтологическим каркасом. На втором, прагматическом, уровне сущность и эффективность информационного оружия (от фейк-новостей до ботов) оценивается исключительно через призму его функциональности, разрушительного потенциала и способности достигать конкретных стратегических целей – деморализации, дестабилизации, принуждения. В итоге, корреспондентная основа обеспечивает системность и ясность описания поля явлений, в то время как прагматическая оптика позволяет анализировать механизмы и эффективность самих коммуникативных атак в современных сетевых условиях. Этот синтез отражает потребность прикладных иссле-

дований информационной безопасности в комплексных моделях, способных учитывать как нормативное стремление к чёткости и истинности, так и реальную логику инструментального воздействия в коммуникационных войнах.

Выводы

Проведённый анализ гносеологических оснований современной коммуникативистики позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Доминирование прагматической парадигмы с акцентом на интерсубъективность. Современная коммуникативистика переживает эпистемологический сдвиг в сторону прагматической концепции истины в её инструменталистской версии. Истинность здесь понимается как функциональная эффективность, практическая полезность и контекстуальная успешность коммуникативного акта, которая достигается не в вакууме, а в процессе интерсубъективного согласования. Критерии полезности и эффективности формируются и проверяются не индивидуальным сознанием, а внутри коммуникативных сообществ, через разделяемые практики, конвенции и достигаемые взаимопонимание. Этот подход, восходящий к традиции Джона Дьюи, позволяет анализировать коммуникацию как поле стратегий, где истинность утверждения производна от его способности быть успешным инструментом в конкретном социальном взаимодействии.

2. Сохранение и специализация корреспондентного подхода. Корреспондентная концепция (истина как соответствие фактам) не утратила своей значимости, но её применение стало более узким и нормативным. Она выполняет критическую функцию, выступая гносеологическим основанием для анализа феноменов дезинформации, пропаганды и манипуляции. В работах, посвящённых информационной безопасности и этике публичных коммуникаций, эта концепция служит базой для разграничения факта и искажения, защищая идеал объективности.

3. Методологическая роль когерентной концепции. Когерентная концепция (истина как внутренняя согласованность системы) заняла свою устойчивую нишу, прежде всего в лингвистических и дискурс-аналитических исследованиях. Она продуктивна при изучении того, как достоверность и смысл конструируются через внутренние правила языковой игры, логическую связность дискурса и формирование общих тезаурусов (как в межкультурной коммуникации). Эта парадигма смещает фокус с отношения «текст-мир» на внутреннюю организацию знаковых систем.

4. Имплицитность гносеологических оснований и методологический синтез. Анализ подтвердил, что подавляющее большинство авторов в прикладной коммуникативистике используют философские концепции истины имплицитно, через свой категориальный аппарат, метафоры и оценочные суждения, что отражает междисциплинарную и инструментальную природу области. Вместе с тем, выявленные случаи эксплицитной артикуляции пози-

ций (см.: Аверин, Панова, Лещак, Нобис-Влязло) свидетельствуют о зарождающейся тенденции к углублению методологической рефлексии. При этом наблюдается тенденция к осознанному методологическому синтезу и рефлексии. Исследователи не только комбинируют подходы (как в модели Глазкова, объединяющей прагматические и когерентные критерии), но и проводят внутреннюю критику в рамках традиций (например, сравнивая Пирса и Джеймса). Это свидетельствует о переходе к постнеклассической исследовательской установке, для которой характерны контекстуальность, функциональность и отказ от жёстких доктринальных рамок в пользу прагматически ориентированного плюрализма.

Представленный анализ выявляет сложную эпистемологическую архитектуру коммуникативистики, где прагматическая доминанция с её фокусом на интересубъективное конструирование эффективности сосуществует с корреспондентной и когерентной парадигмами. Экспликация этих скрытых оснований, в том числе через анализ редких, но показательных случаев эксплицитной рефлексии, укрепляет методологическую рефлексию дисциплины и способствует более глубокому постижению природы и динамики коммуникативных процессов.

Источники

Аверин А.Н. (2015). Философский анализ коммуникации // *Коммуникология*. Т. 3, № 2. С. 13-22.

Архангельская И.Б., Архангельская А.С. (2020) Фейк-ньюс в доцифровую и цифровую эпохи // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. № 3(37). С. 95-104.

Басовец И.М. (2023) Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе // *Вестник Самарского университета*. История, педагогика, филология. Т. 29. № 4. С. 129-140.

Гавра Д.П. (2023) Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // *Российская школа связей с общественностью*. № 29. С. 10-26.

Глазков А.В. (2018). Расщепление реальности и проблема истинности: прагматический и логический аспекты // *Правда – неправда – постправда : Сборник научных трудов проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований*, Москва, 19–20 апреля 2018 года / под ред. А. В. Глазкова, Е. А. Глазковой. – Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С. 37-58.

Дзялошинский И.М. (2024). Общественное мнение в ситуации тотальной дезинформации (проблема фейк-ньюз) // *Международный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии*. № 5. С. 95-127.

Ермоленко С.В. (2024) Дискурсивные практики конструирования достоверности информации в новостном медиадискурсе // *XV Конгресс МАПРЯЛ : Избранные доклады*, Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: МАПРЯЛ. С. 2015-1019.

Киуру К.В., Кривонос А.Д. (2021). Инструменты фейка и методики фактчекинга // *Российская пиарология: тренды и драйверы : Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой / Под редакцией А. Д. Кривоносова*. Том Выпуск 11. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 54-61

Клинцова М.Н. (2023). Тактика ведения информационной войны во время СВО // Российская школа связей с общественностью. № 29. С. 56-69.

Лещак О. (2018). Правда и постправда в информационном и коммуникативно-дискурсном аспекте // Правда – неправда – постправда : Сборник научных трудов проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований, Москва, 19–20 апреля 2018 года / под ред. А. В. Глазкова, Е. А. Глазковой. – Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С. 164-200.

Мисуров Н.Н. (2021) Философские «тексты» в кросс-культурной коммуникации (тезаурус русского фиктеанства) // Коммуникативные исследования. Т. 8. № 2. С. 233-247.

Нобис-Влязло К. (2018). Правда, неправда и постправда в количественном измерении // Правда – неправда – постправда : Сборник научных трудов проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований, Москва, 19–20 апреля 2018 года / под ред. А. В. Глазкова, Е. А. Глазковой. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С. 201-215.

Панова Ю.В. (2020). Прагматический характер коммуникативных паттернов политической элиты США // Коммуникология. Т. 8. № 1. С. 90-100.

Полднев В.К. (2023). Дискурс медиафилософии: вектор поведения потребителей // Коммуникология: электронный научный журнал. Т. 8. № 1. С. 103-112.

Словарь прикладной интернететики / Нехаев С.А., Кривошеин Н.В., Андреев И.Л., Яскевич Я.С. М., 2005.

Трофимов Р.В. (2023). Фейк как некритическое восприятие информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 10(878). С. 113-118.

Чумиков А.Н. (2021). Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. Т. 9. № 2. С. 125-142.

Шарков Ф.И. Генезис зарубежной и отечественной коммуникологии: темы и парадигмы // Коммуникология: электронный научный журнал. Том 2. №2.

Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник для бакалавров / Ф. И. Шарков. 4-е изд., перераб. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. 488 с.

Шарков Ф.И. Подготовка специалистов по связям с общественностью // Образование и общество, № 2(8), 2001.

■ ■ ■ Epistemological approaches to modern communication research

Zhilina Anastasia V.

Spice Media Communication Agency, Moscow, Russian Federation.

Abstract. The correlation between the concepts of «inter-communicativistics» and «communicology», considered by Professor F.I. Sharkov, the founder of the interdisciplinary scientific field «communicology», in Russia, is given. This article presents an analysis of the philosophical and epistemological foundations of contemporary research in communication studies, based on a systematic review of 35 scholarly works published between 2010 and 2025. The study aims to identify and classify implicit and explicit concepts of truth underlying the methodological frameworks used to investigate communicative processes. The methodology is grounded in qualitative content analysis and the identification of «symptoms»

of philosophical positions within the authors' categorical apparatus, metaphors, and evaluative judgments. As a result, three dominant paradigms are distinguished: the correspondence theory of truth (truth as correspondence to reality), the coherence theory of truth (truth as internal consistency of a system), and the pragmatic theory of truth (truth as effectiveness and practical utility). The study establishes an absolute dominance (51% of the works) of the pragmatic concept, particularly in its instrumentalist (Deweyan) interpretation, marking an epistemological shift from classical to post-non-classical, functionally-oriented approaches. The correspondence (23%) and coherence (14%) paradigms retain important, yet more specialized roles – critical-normative and discourse-analytical, respectively. The vast majority of authors (89%) employ concepts of truth implicitly; however, a tendency toward methodological synthesis and growing reflexivity is observed, indicating the formation of a post-non-classical research orientation in communication studies.

Keywords: communication studies, communicology, communication theory, theories of truth, correspondence theory, coherence theory, pragmatism, instrumentalism, John Dewey, philosophy of communication.

Inf. about the author: Anastasia V. Zhilina – Candidate of Sciences (Philology), Senior Project Manager at Spice Media Communication Agency, member of the Russian Association of Communication Agencies (RASO). ORCID 0000-0002-1680-8560, SPIN code 2978-1213. Email: av.zhilina@gmail.com. Address: 5 Bakunina Avenue, Saint Petersburg, 191024, Russia.

Received: 12. 03. 2026. *Accepted:* 23.06. 2026.

References

- Averin A.N. (2015). Philosophical analysis of communication. *Communicology*. Vol. 3. No. 2, pp. 13-12 (in Rus.).
- Arkhangelskaya I.B., Arkhangelskaya A.S. (2020). Fake-news in before-digital and after-digital ages. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. No 3 (37), pp.95-104 (in Rus.).
- Basovets I.M. (2023). Participation of referential mechanisms of subject nominations in the implementation of reliability in English and Belarusian media texts. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. Vol. 29. No. 4, pp.129-140 (in Rus.).
- Dictionary of Applied Internet Science / Nekhaev S.A., Krivoshein N.V., Andreev I.L., Yaskevich Ya.S. M., 2005 (in Rus.).
- Gavra D.P. (2023). Information confrontation: modern understanding, characteristics, approaches to interdisciplinary knowledge. *Russian School of Public Relations*. No. 29, pp. 10-26 (in Rus.).
- Glazkov A.V. (2018). The Split of Reality and the Problem of Truth: Pragmatic and Logical Aspects. *Truth – Untruth – Post-Truth: Collected Works of the NOT ONLY Project*. NOT ONLY 2018: Theory and Practice of Humanities Research, Moscow, April 19-20, 2018 / ed. by A.V. Glazkov, E.A. Glazkova. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), pp.37-58 (in Rus.).
- Dzialoshinski I.M. (2024). Public opinion in a situation of total disinformation (fake news problem). *International scientific journal of media and communications in Central Asia*. No. 5. P. 95-127 (in Rus.).
- Ermolenko S.V. (2024). Discursive practices of constructing the reliability of information in news media discourse. XV MAPRYAL Congress: Selected Papers, Saint Petersburg, September 12–16, 2023. Saint Petersburg: MAPRYAL, 2024, pp. 2015-1019 (in Rus.).
- Kiuru K.V., Krivososov A.D. (2021). Fake tools and factchecking techniques. *Russian PR Studies: Trends and Drivers: Collection of Scientific Papers in Honor of Professor V.A. Achkasova / Edited*

by A.D. Krivonosov. Vol. 11. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economic, pp. 54-61 (in Rus.).

Klintsova M.N. (2023). Tactics of information warfare during the special military operation (on the example of the Republic of Crimea). *Russian School of Public Relations*. No. 29, pp. 56-69 (in Rus.).

Leshchak O. (2018). Truth and Post-Truth in Informational and Communicative-Discursive Aspects. *Truth – Untruth – Post-Truth: Collected Works of the NOT ONLY Project*. NOT ONLY 2018: Theory and Practice of Humanities Research, Moscow, April 19-20, 2018 / ed. by A.V. Glazkov, E.A. Glazkova. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), pp. 164-200 (in Rus.).

Misyurov N.N. (2021). Philosophical «texts» in cross-cultural communication (the tesaurus of Russian fichtean). *Communication Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 233-247(in Rus.).

Nobis-Vlyazlo K. (2018). Truth, Untruth and Post-Truth in Quantitative Measurement. *Truth – Untruth – Post-Truth: Collected Works of the NOT ONLY Project*. NOT ONLY 2018: Theory and Practice of Humanities Research, Moscow, April 19-20, 2018 / ed. by A.V. Glazkov, E.A. Glazkova. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 2018, pp.201-215 (in Rus.).

Panova Y.V. (2020). Pragmatic character of USA political elite communication patterns. *Communicology*. Vol. 8. No. 1, pp. 90-100 (in Rus.).

Poldnev V.K. (2023). Media Philosophy: a Vector of Consumer Behavior. *Communicology: electronic scientific journal*. Vol. 8. No. 1, pp.103-112 (in Rus.).

Trofimov R.V. (2023). Fake as uncritical perception of information. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. No. 10(878), pp.113–118 (in Rus.).

Chumikov A.N. (2021). Conflict communications in modern media. *Communicology*. Vol. 9. No. 2, pp. 125-142 (in Rus.).

Sharkov F.I. The genesis of foreign and domestic communication: themes and paradigms// *Communicology: an electronic scientific journal*. Volume 2. No. 2 (in Rus.).

Sharkov F.I. (2014). *Communicology: fundamentals of the theory of communication: A textbook for bachelors* / F. I. Sharkov. 4th ed., revised by M.: Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co.», 488 p. (in Rus.).

Sharkov F.I. (2001). Training of public relations specialists // *Education and Society*, No. 2 (8), (in Rus.).